

ФАНТАСТИКА КАК ИСТОЧНИК ОПИСАНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ч. МЬЕВИЛЯ "ГОРОД И ГОРОД")

Сериков А.Е.

Частное образовательное учреждение высшего образования "Самарская гуманитарная академия", декан философского факультета, доцент кафедры философии

Фантастика может быть использована как источник описания ситуаций и форм поведения, которые воспринимаются нами как невероятные в нашей культуре и нашем обществе. Именно по контрасту с этим невероятным поведением можно определять другие формы как типичные или как в принципе возможные, в отличие от невозможных фантастических. Роман Ч. Мьевиля "Город и город" анализируется как пример описания невероятных практик тотального взаимного избегания между жителями двух пересекающихся в географическом пространстве городов.

Ключевые слова: фантастическая литература, пограничные города, поведение человека, культурные практики, социальные институты, социальные ситуации, обычаи избегания, практики избегания взгляда.

Любую конкретную культуру или общество можно описать как совокупность типичных психофизиологических состояний, ситуаций и форм поведения,

отличных от аналогичных наборов, свойственных другому обществу. Но существует проблема методики: что использовать в качестве эмпирических источников описания типичных форм поведения и как вообще выделить то, что является типичной формой поведения, если эти формы само собой разумеются и поэтому не заметны.

В качестве одного из эмпирических источников можно использовать прозу. Например, можно подготовить случайную выборку прозаических произведений современных российских авторов и проанализировать ее на предмет описания в этих произведениях типичных жизненных ситуаций и форм поведения. Для того чтобы выполнить эту задачу, нужно будет убрать из выборки заведомо фантастические произведения. Но можно поступить обратным способом: проанализировать заведомо фантастические произведения на предмет описания ситуаций и форм поведения, которые воспринимаются нами как невероятные в нашей культуре и нашем обществе. Именно по контрасту с этим невероятным поведением можно будет определить другие формы как типичные или как в принципе возможные, в отличие от невозможных фантастических.

В качестве примера можно рассмотреть невероятную культурную ситуацию, описанную в романе британского фантаста Чайна Мьевиля "Город и город" (China Miéville "The City & The City", 2009) [14]. В 2009 г. роман был награжден премией Британской

Ассоциации Научной Фантастики и премией Китчис, в 2010 – премией Артура Кларка, всемирной премией фэнтези, премиями Локус и Хьюго. В 2013 роман издан на русском языке, в переводе Георгия Борисовича Яропольского, на который я и буду в дальнейшем ссылаться [2].

Дело происходит где-то в Юго-Восточной Европе, в вымышленных граничащих друг с другом городах-государствах Бещель (Beszel) и Уль-Кома (Ul Qoma). Их история скрыта во тьме веков и в какой-то мере находится под запретом в обоих городах. Поэтому не очень понятно, то ли это один город, разделенный на две взаимно переплетающиеся части, то ли это два города, которые срослись и проникли друг в друга настолько, что между ними нельзя провести однозначную физическую границу. С точки зрения сюжета, роман "Город и город" – это полицейский детектив, история о расследовании убийства. Но главные герои – не жертва и не следователь, а Бещель и Уль-Кома. В одном из интервью Мьевиль говорит, что с самого начала хотел написать книгу о необычных, странных городах и уже затем думал о возможной фабуле. Это могла быть история разделенных границей влюбленных, но постепенно он все больше склонялся к идее криминального романа [7].

Поскольку это города вымышленные, среди поклонников Мьевилья развернулась дискуссия о том, какое место в реальной Европе могло бы быть их прототипом. Это могла быть, например, столица Бол-

гории. В сети можно найти карту, где очертания Бешеля, Уль-Комы и их пересечений наложены на карту реальной Софии [10].

И конечно, в реальной жизни можно найти много населенных пунктов, пересеченных государственными границами. Один из удивительных примеров – это Станстед и Дерби, разделенные границей между Канадой и США. Там есть здание оперы и библиотеки Хаскелл (The Haskell Free Library and Opera House), где пограничная полоса нарисована прямо на полу. Книгохранилище и оперная сцена находятся в Станстеде, а главный вход в библиотеку и большая часть оперного зала – в Дерби. Поэтому ее часто называют единственной библиотекой в США без книг и единственной оперой в США без сцены. Можно зайти в здание в одной стране и выйти из него уже с другой стороны границы, Это удивительно, но вполне реально. Во времена войны во Вьетнаме уклоняющиеся от призыва американские парни встречались там с членами своих семей, отделенные только линией на полу и оставаясь формально за границей [12].

Еще один пример – бельгийский Барле-Хертог и нидерландский Барле-Нассау, состоящие из примерно трех десятков взаимно переплетенных эксклавов, где государственная граница проходит через фермы, жилые дома, офисы, больницы и кафе. Поэтому нидерландский ребенок может родиться на территории Бельгии и, достигнув 18 лет, сам выбрать себе гражданство. В вечерние часы, когда по законам Нидер-

ландов уже нельзя продавать спиртные напитки, столики в кафе передвигаются на бельгийскую территорию. А поскольку налоги платятся тому государству, на территорию которого выходит парадная дверь, люди часто перестраивают свое жилье при изменении налогового законодательства [12], [14].

В маленьком отеле Арбез в городке Ла Кюр на франко-швейцарской границе пограничная полоса разделяет не только лестницу между первым и вторым этажами, но в двух номерах пересекает даже кровати. Можно спать головой в Швейцарии, а ногами – во Франции. Есть номера, где ванная комната и туалет отделены от спальни государственной границей. Во время Второй мировой войны немецкие солдаты могли зайти на первый этаж в оккупированной Франции, в то время как участники сопротивления могли прятаться на территории нейтральной Швейцарии этажом выше [13].

Это все – из настоящей жизни. Люди вполне могут спать на кровати, разделенной государственной границей или сидеть в баре, в одной половине которого правила запрещают курить или употреблять алкоголь, в другой половине – чуть ли не обязывают это делать. Герой Мьевеля, находясь в командировке за границей, ходит мимо подъезда своего собственного дома. Но фантастика не в этом. Она в том, что культурная граница между Бещелем и Уль-Комой настолько абсолютна, что почти исключает какое-либо взаимодействие. Точнее, они взаимодействуют, но так, как если

бы рядом с ними жителей другого города не существовало вообще.

Мьевиль почти ничего явным образом не объясняет и лишь постепенно, по мере того, как разворачивается детективная история, включает в повествование разные странности. Читатель, ждущий явной научной фантастики, поначалу вообще на эти странности может не обратить внимание. Когда я читал роман, поначалу объяснял большинство недоразумений моим не очень хорошим знанием английского языка. Что автор имеет в виду, когда пишет о параллельном существовании двух городов? Параллельную реальность, сновидения, какой-то портал? Как могут люди не видеть друг друга, идя по одной улице? Что запрещает им заговорить друг с другом? Какие силы стоят за внедрением этих практик? Магия, инопланетяне с их оружием, еще что-то? И когда я понял, что ничего такого нет, что речь идет только о культурных привычках и табу, то испытал смесь восхищения и разочарования.

Огромную роль в романе играет описание умения смотреть так, чтобы не видеть, не замечать (*to unsee, to unnotice*). Мьевиль вводит этот концепт не спеша, как бы исподволь приучая к нему читателя. Сначала это просто метафора: убитая девушка смотрела на прибывшего к месту происшествия инспектора Борлу "невидящим взглядом" (*looked unseeinly*). Затем инспектор Борлу случайно встречается взглядом с проходящей мимо него по улице женщиной и осознает,

что ему не полагалось ее видеть (should not have seen). "Разволновавшись, я тотчас отвёл взгляд в сторону, и она сделала то же самое и с той же скоростью. Я запрокинул голову, глядя на снижавшийся перед приземлением самолёт. Когда через несколько секунд я повернулся обратно, не обращая внимания (unnoticing) на старуху, тяжело ступавшую вдали, то старался смотреть не на неё, шедшую по своей чуждой улице, а на фасады близлежащей и местной Гунтерстраш, этой зоны уныния" [2; Гл.1].

В этом эпизоде читатель впервые сталкивается не только с первым примером культурно обусловленного *не-видения*, но и первым описанием так называемого *заштрихованного участка*. Некоторые дома, улицы и кварталы являются общими для Бещеля и Уль-Комы, они как бы накладываются, пересекаются друг с другом. Такие места в английском оригинале обозначаются словами *crosshatch* и *crosshatching*. В русском издании используется буквальный перевод - "штриховка", но если исходить из этимологии и описаний этих мест в романе, это слово можно понять как "пересекающиеся выходы", "пересечения".

Следует сравнить эти фантастические пересечения двух городов с описанными выше примерами реальных городов. В реальных примерах могут существовать анклавы и эксклавы, граница может быть очень путанной, эфемерной, существующей не столько в реальности, сколько на карте. Но в приведенных выше примерах европейских и американских городов

эта граница четко разделяет территории, которые принадлежат либо одному, либо другому государству. Даже если пограничная линия прочерчена под кроватью в отеле или под столом в кафе. В романе Мьевиля граница тоже проходит между домами и кое-где поперек них, но есть и участки, которые буквально накладываются друг на друга. Эти фантастические пересечения Бещеля и Уль-Комы интересны тем, что физически они расположены на одном пространстве, а политически и культурно – в разных государствах и взаимно невидимых мирах. Граница в таких местах существует только в сознании тех, кто относится к ней всерьез. Возможно ли такое на самом деле? И если невозможно, то почему?

Вот еще одно описание. Из него следует, что территории городов накладываются друг на друга и что один из секретов практики не-видения – пытаться игнорировать то, что происходит в параллельном городе. "По дороге домой мне было трудно – что, возможно, для такого дня не удивительно – соблюдать границы, видеть и не-видеть лишь то, что следовало. Меня окружали люди, находившиеся не в моём городе, медленно шедшие через районы, многолюдные у них, но пустынные в Бещеле. Я сосредоточивался на камнях, которые на самом деле были вокруг меня, – соборах, барах, кирпичных завитушках здания, некогда бывшего школой, – на всём том, среди чего я рос. Остальное я игнорировал – или пытался игнорировать"[2; Гл.4].

Табу на восприятие соседнего города так сильно, что требует игнорировать даже его запахи. "Ароматы в бещельском Уль-Кома-городе сбивают с толку. Инстинкт побуждает не-обонять их, думать о них как о занесённых через границу, столь же неуважительных, как дождь. «Дождь и дым живут в обоих городах», – гласит пословица"[2; Гл.5].

Игнорировать жителей соседнего города и все, с ними связанное, следует всегда, даже при буквальных столкновениях с ними. "Когда улькоманин натывается на бещельца, причём каждый из них находится в своём собственном городе; когда уль-комская собака подбегает и обнюхивает бещельского прохожего; когда окно, разбитое в Уль-Коме, оставляет стёкла на пути бещельских пешеходов, – во всех подобных случаях бещельцы или, в противоположных обстоятельствах, улькомане изо всех сил избегают иностранных затруднений, не признавая их. Касаются их, если вынуждены, хотя это не лучший выход. Такое вежливое стоическое не-видение является формой обращения с протубцами – так по-бещельски называют протуберанцы из другого города. Есть и иллитанский термин, но я его не знаю. Исключение составляет только мусор, когда достаточно состарится. Лежащий на штрихованном тротуаре или занесённый ветром из другой зоны, где был выброшен, сначала он выступает как протубец, но когда выцветет, когда иллитанские или бещельские его признаки сделаются невидимы, покрытые грязью и отбелённые солнцем,

когда он смешается с другим мусором, в том числе из другого города, то станет просто мусором, переносимым через границы, как туман, дождь и дым"[2; Гл.6].

Как можно отличить жителей одного города от жителей другого? У них разные походки, покррой и оттенки одежды, у них разные марки автомобилей – и все это следует замечать и принимать во внимание для того, чтобы не-замечать, не-видеть жителей другого города, их вещи и их автомобили. Так же как по особенностям архитектурного стиля и окраске следует различать дома в параллельном городе для того, чтобы сразу же их игнорировать. Еще сложнее с вождением: "Видя все машины на дороге, надо научиться не-видеть те, что за границей, но не-видеть с такой быстротой, чтобы успеть убраться с их пути"[2; Гл.18].

Умение не-видеть формируется у местных жителей с самого раннего детства. "Первые годы бещельского (и предположительно уль-комского) ребёнка проходят в интенсивном изучении ролей. Мы очень быстро усваиваем стили одежды, допустимые цвета, манеры ходить и держаться. Ещё до достижения нами восьми или около того лет можно быть уверенным, что большинство не станет совершать брешей ни по ошибке, ни преднамеренно, хотя, конечно, разрешение выдаётся детям каждый раз, как они оказываются на улице"[2; Гл.6].

Границу между городами можно перейти официально, через пограничный пункт – если есть разреше-

ние и оформлены документы. После такого перехода можно находиться на территории сопредельного города и общаться с его жителями, но нельзя видеть город, из которого только что выбыл. Если же человек нарушает границу нелегитимно, каким-то образом вступает во взаимодействие с жителями соседнего города, не пройдя через пропускной пункт – он совершает нечто более презируемое и ужасное, чем торговля наркотиками или убийство. Имя этому нарушению табу – *брешь* (breach), и расследует его особая таинственная инстанция, которая так и называется – *Брешь*. Все ее ужасно боятся и готовы на все, только бы не попасть в руки к ее представителям.

"Мы вырастаем, слыша «доверяй Бреши», не-видь и не упоминай об уль-комских карманниках или грабителях, даже если заметишь их за работой оттуда, где находишься, в Бещеле, – этого тебе не полагается, потому что брешь является худшим преступлением, нежели то, что совершают они"[2; Гл.6]. Дети воспитываются в вере, что брешь смертельно опасна. "В детстве мы усердно не-видели Уль-Кому, поскольку наши родители и учителя безжалостно нас на это натаскивали. Нарочитость, с которой мы и наши уль-комские современники привыкли не-замечать друг друга, находясь Grosstopichно рядом, весьма впечатляет. Мы имели обыкновение бросать камни через альтернативные участки, пробегать долгий кружный путь в Бещеле и поднимать их снова, споря, поступили ли мы недолжным образом. Брешь, конечно, нико-

гда не проявлялась. Мы проделывали то же самое с местными ящерицами. Они всегда оказывались мертвыми, когда мы их подбирали, и мы говорили друг другу, что их убило небольшое путешествие по Уль-Коме, хотя с таким же успехом убить их могло приземление"[2; Гл.6].

Почему Брешь так страшна для жителей Бещеля и Уль-Комы, понять невозможно, даже прочитав роман целиком. Более того, когда дочитываешь роман до конца, начинаешь догадываться, что само существование Бреши и есть главный фантастический элемент романа. Причем не научно-фантастический, а фэнтезийный. Потому что легче поверить в колдовство, чем в существование абсолютной власти, за которой не стоят какие-либо магические или инопланетные силы, у представителей которой нет никаких фантастических способностей или супероружия.

Брешь – это всего лишь что-то вроде тайной пограничной службы, работающей на два города одновременно. Аватары Бреши следят за жителями в пограничных районах и на заштрихованных участках с помощью видеокамер. Они имеют своих осведомителей во всех государственных учреждениях и поэтому знают все, что происходит в обоих городах. Им подчиняются полицейские и охранники обоих городов, не выражая сомнения в их праве распоряжаться. Эта служба имеет право забирать людей, замеченных в нарушении табу. При необходимости аватары Бреши имеют право стрелять в нарушителей, но нигде в ро-

мане не сказано, что этих нарушителей системно уничтожают. Скорее, их отправляют в специальные лагеря, но никто не знает, где эти лагеря расположены.

Итак, в романе говорится, что санкции Бреши безграничны, решения секретны, но реальные механизмы такой абсолютной власти никак не раскрываются. На чем основана эта власть? Только на культурном табу, тайне и предполагаемой неотвратимости наказания. Но на этом ни одна реальная власть не продержится.

Местные жители подозревают, что Брешь реагирует только на явные и демонстративные нарушения. Например, начальник охраны университетского кампуса в Уль-Коме думает, что все иностранные студенты нарушают табу по мелочам: "Так что, когда этот народец выпьет или что ещё, не подначивают ли они друг друга пойти и постоять в заштрихованном участке парка? А потом, кто знает, удерживаются ли они от этого, может, стоят там на месте, без единого слова, даже не двигаясь, и перебираются то в Бещель, то обратно? Не надо ни шагу ступать, чтобы это получилось: не надо, если находишься в штриховке. Всё вот здесь. — Он постучал себя по лбу. — Никто не может доказать такую хрень. Возможно, потом, в следующий раз, когда пустятся на такое, они наклоняются, берут что-нибудь на память и распрямляют спину в Уль-Коме с камнем из Бещеля или чем-то ещё. Если это тот город, в котором они были, когда его подняли,

то он откуда? Кто знает? Кто сможет доказать? Пока они не афишируют этого, что можно сделать? Даже Брешь не может всё время следить за брешами. Чего уж там. Если бы за ними следили, то ни одного из этой иностранной ватаги здесь бы уже не было"[2; Гл.17].

В конце романа выясняется, что Брешь и ее служащие не обладают никакими сверхъестественными способностями. Никакой особой жестокости у представителей Бреши тоже нет. Они вооружены, великолепно владеют навыками рукопашного боя, но это всего лишь люди. При этом количество их ограничено, а совместные решения вырабатываются путем переговоров, так как жесткой управленческой иерархии внутри Бреши тоже нет. А такие решения не всегда принимаются достаточно быстро, чтобы мгновенно реагировать на любое событие.

Значит, должно быть множество нарушений, которые происходят незамеченными. И не только нарушений, совершенных неопытными или безответственными иностранцами. Если Брешь забирает всех нарушителей, как она непрерывно отслеживает повседневную деятельность тысяч людей. С помощью камер это технически невозможно, ведь количество аватаров Бреши ограничено. К тому же, не могут быть секретными все камеры.

Поэтому в обоих городах должны быть люди с опытом бреши и не боящиеся Бреши. Если нарушителей не уничтожать, они рано или поздно вернутся и

расскажут, что все не так уж страшно. А если нарушителей уничтожают, где и как это происходит? Если есть лагеря, кто их обслуживает? Куда деваются люди, побывавшие в этих лагерях? Фантастическая реальность романа такова, что этих людей никто никогда не встречал. "Никто никогда не слышал даже рассказов о тех, кого забрала Бреши и кто отбыл положенный по закону срок. Либо такие люди были невероятно скрытны, либо их вообще никогда не выпускали" [2; Гл.23].

В конце романа читатель узнает, что такие люди есть, но они сами – служители Бреши, и они соблюдают другое табу: никогда не общаются со своими прежними друзьями и родственниками из Бещеля и Уль-Комы. Может ли быть такое в реальной жизни? Думаю, нет. Не может быть в реальных обществах таких сильных табу, которые действуют столь универсально, и таких страшных санкций, что их побоятся абсолютно все.

Если бы любовь и дружба заставляли героев нарушать запреты, несмотря на угрозу смертельного наказания со стороны тайной службы, – это была бы вполне реалистическая антиутопия. Фантастичность романа Мьевия в том, что странные жители странных городов Бещель и Уль-Кома не нарушают запреты и смертельно боятся службы, которая не так уж и страшна. А также в том, что странные служители Бреши совсем не нарушают запреты, которые сами для себя и устанавливают. Если они люди, такое не-

возможно. Если такое возможно, то они нечеловеческие существа, но в романе об этом ничего не сказано.

Итак, одним их фантастических элементов романа является существование общих территорий, принадлежащих одновременно двум пограничным городам. Другой фантастический элемент – это совершенно немотивированный страх жителей Бещеля и Уль-Комы пред Брешью и абсолютная власть аватаров Бреши, не подкрепляемая никакими реальными ресурсами или массовыми репрессивными практиками. Власть Бреши держится почти исключительно на вере в эту власть – это можно рассматривать как научно-фантастическую иллюстрацию идей политолога Джина Шарпа, ставшего известным в качестве идеолога ненасилия, а теперь считающегося отцом технологии цветных революций [4]. Согласно Шарпу, если во власть перестать верить, она развалится. Эта сомнительная идея в свое время формулировалась как научная гипотеза, и мне кажется, что Мьевиль вполне мог на нее опираться.

Еще один фантастический элемент – это практика взаимного не-видения жителей Бещеля и Уль-Комы. Имеет ли эта идея какие-либо научные основания? На что она позволяет обратить внимание в нашем реальном повседневном поведении? Какие вопросы при этом возникают?

Прежде всего, определенные аспекты не-видения существуют если не во всех, то почти во всех культу-

рах. Взгляд и избегание взгляда – это элементы поведения, которые в значительной степени культурно обусловлены. На это давно обращают внимание специалисты по межкультурной коммуникации и сравнительному анализу культур. Например, известный американский антрополог Эдвард Холл в книге "Скрытое измерение" (1966) пишет о коммуникативных трудностях англичан, оказавшихся в Америке. "Они никогда не знают наверняка, слушает ли их американец. С другой стороны, мы также не уверены, понял ли нас англичанин. Многие из этих трудностей общения связаны с различным использованием глаз. Англичанин обучен быть очень внимательным, слушать старательно, что должен делать, если он вежлив и нет никаких преград для распространения звука. Он не кивает головой и не хмыкает, чтобы вы знали, что он понимает. Он моргает глазами, чтобы дать знать, что он вас услышал. Американцы, напротив, обучены не смотреть пристально. Мы смотрим другому человеку прямо в глаза, не отводя взгляда, только когда нам требуется особенная уверенность в том, что мы говорим доходчиво" [9; 143].

Если подумать о том, как принято смотреть на собеседника в русской культуре, то можно прийти к выводу, что мы представляем собой нечто среднее между англичанами и американцами. С одной стороны, когда мы говорим что-то человеку, мы часто не смотрим ему в глаза, в то время как он смотрит в наши. Однако, говоря что-то человеку, вполне можно смот-

реть на него прямо. В лифте или в общественном транспорте мы избегаем явного разглядывания человека, но если хочется его рассмотреть, можно с ним поговорить. Когда русские мужчины оказываются в Америке, у них обычно нет никаких проблем с установлением правильного визуального контакта с мужчинами, но часто бывают проблемы с женщинами, считающими взгляды русских слишком пристальными.

Григорий Ефимович Крейдлин – один из немногих отечественных специалистов по семиотике взгляда (окулесике) – достаточно подробно описывает нормы визуального поведения в русской культуре. В частности, он пишет, что "когда человек с кем-то говорит, то в диалоге очень редко – исключение составляют строго определенные речевые, или, точнее, семиотические, акты – смотрит непосредственно в глаза собеседнику (хотя и может при этом смотреть на собеседника). <...> Напротив, слушая, у нас принято смотреть говорящему прямо в глаза" [1; 236-251]. "Правила русского глазного поведения говорят о том, что незнакомые мужчины и особенно женщины должны соблюдать известную осторожность во взглядах, например: взгляды не должны быть продолжительными или частыми, навязчивыми, чтобы не допустить ненужной ей или ему близости. <...> В русском языке имеются типично женские глазные жесты, направленные обычно на мужчину, такие, как *хлопать глазами (ресницами), стрелять глазами или поводить*

(повести) глазами <...> С другой стороны мужчинам свойственно при встрече с женщиной более «решительное» глазное поведение: бывает, что они *глазеют* на нее, могут *впериться* в нее *глазами* или *вперить* в нее *глаза* <...> Любопытно, что наша общественная мораль не очень-то осуждает мужчин за такое поведение, равно как часто прощает девушке известную манерность, когда та хлопает глазами"[1; 236-251].

А вот американская общественная мораль и американское право очень сильно осуждают такое поведение мужчин. В связи с чем выясняется, что мужчины в США обладают определенными навыками невидения, которых у многих русских мужчин просто нет. Понятие сексуального преследования или сексуального домогательства (sexual harassment) включает целый ряд признаков, в том числе "нежелательные сексуальные взгляды" (unwanted sexual looks) и "пристальные взгляды" (staring at someone) [17]. Я лично знал одного русского ученого, приехавшего работать в США по контракту и работавшего в лаборатории по ночам, потому что американские сотрудницы угрожали подать на него в суд за то, что он на них смотрит. А он искренне не мог понять, как можно находиться с людьми в одном помещении, и при этом не смотреть на них.

В некоторых культурах прямой пристальный взгляд – это табу. "Не смотри ни на кого пристально долгое время, а то ослепнешь", – говорится у индей-

цев Навахо [5]. Похожие запреты существуют и у аборигенов Австралии: "Прямой контакт глаз с кем-либо, кроме наиболее близких друзей или родственников, воспринимается как знак грубости, неуважения или даже агрессии, и правильный способ быть вежливым и уважительным во время разговора – это опускать глаза или отводить их в сторону" [6; 4]. Хорошо известно, что "в Японии общепринятой нормой является не контакт глаз, а удерживание взгляда на уровне подбородка или даже на уровне шеи собеседника"[1; 236-251]. "Сегодня прямой открытый взгляд в Японии – признак агрессии, своеобразный вызов. К примеру, когда родители ругают своих детей-подростков, те не перечат им, а просто нагло смотрят в глаза. Если японец в разговоре постоянно отводит взгляд, не стоит думать, что он хитрит или что-то скрывает. Это нормально. К этому нужно привыкнуть" [3].

Среди биологов и эволюционных психологов распространена гипотеза, что истолкование прямого взгляда как признака агрессивного поведения и избегание прямого взгляда являются филогенетическими адаптациями, общими не только для всех людей, но и для ряда других животных [16; 134-135]. Но, видимо, это не так, потому что в человеческих культурах существует и совершенно противоположное отношение к прямому взгляду и его избеганию. В арабской, турецкой, итальянской и других южно-европейских культурах принято смотреть прямо в глаза собесед-

нику, а отводить глаза считается неприличным. Специалист по межкультурным коммуникациям Ричард Гестеланд обобщает информацию по данной теме следующим образом: интенсивный контакт глаз является нормой для арабского мира, Средиземноморья, Южной Европы и Латинской Америки; направленный взгляд (*firm eye contact*) – для Северной Европы и Северной Америки; умеренный (*moderate*) контакт глаз – для Кореи, Таиланда и Африки южнее Сахары; не прямой взгляд (*indirect eye contact*) – для большей части Азии¹[8; 76-77].

Таким образом, избегание взгляда – вполне реальная вещь, но обычно избегают смотреть в глаза, разглядывать или выставять напоказ какие-то части тела, однако речь идет именно о явном пристальном разглядывании, а не игнорировании человека целиком. Тем более нигде в реальных культурах не встречается такого абсолютного игнорирования домов, машин, поездов, улиц и площадей, как это описано в романе Мьевиля. Там, где в реальных культурах человека игнорируют, обычно это касается лишь какого-то из его аспектов, а не всего человека. Например, человека воспринимают как физический или биологический объект, как инструмент, но не считают возможным с ним общаться. Или женщину воспринимают как исключительно делового, но не сексуального

---

¹ Gesteland R. Cross Cultural Business Behavior. Marketing, Negotiating, Selling, Sourcing and Managing Across Cultures. – Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2002. P.76-77.

партнера. Или говорят с человеком, но старательно избегают смотреть на него. Мне не удалось найти сведений ни об одной реальной культуре, где табу на восприятие людей из другой социальной группы, другого племени или другой деревни было бы настолько полным, как в Бещеле и Уль-Коме. Видимо, в реальной жизни это невозможно. Но почему? Это отдельный вопрос, который требует дополнительного исследования.

Литература

1. Крейдлин Г.Е. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение [Электронный ресурс] // Труды по культурной антропологии М., 2002. URL: <http://ec-dejavu.ru/g/Gesture.html> (дата обращения 14.03.2016).
2. Мьевиль Ч. Город и город [Электронный ресурс] / пер. с англ. Г.Б.Яропольского. М.: Эксмо, 2013. URL: <http://coollib.com/b/268227/read#t4> (дата обращения 19.02.2016).
3. Радужная Н. Секреты этикета: как вести себя в Японии [Электронный ресурс] // Лайфхакер. 18 января 2014. URL: <http://lifehacker.ru/2014/01/18/sekrety-etiketa-kak-vesti-sebya-v-yaponii/> (дата обращения 15.03.2016).

4. Шарп Дж. Исправление типичных заблуждений по поводу ненасильственных действий. 198 методов ненасильственных действий (from *The Politics of Nonviolent Action* by Gene Sharp, Boston: Porter Sargent, 1973) [Электронный ресурс]. URL: <http://antimilitary.narod.ru/antology/sharp/199.htm> (дата обращения 14.03.2016).
5. Bulow E. Traditional Navajo Taboos [Электронный ресурс]. URL: http://navajocentral.org/navajotaboos/taboos_behavior.html (дата обращения 15.03.2016).
6. Communicating Effectively with Aboriginal and Torres Strait Islander people [Электронный ресурс]. URL: https://www.health.qld.gov.au/deadly_ears/docs/hp-res-comeffect.pdf (дата обращения 15.03.2016).
7. DeLucci T. Mapping *The City & The City*: an interview with China Miéville. June 1, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tor.com/2009/06/01/an-interview-with-china-mieville/> (дата обращения 19.02.2016).
8. Gesteland R. Cross Cultural Business Behavior. Marketing, Negotiating, Selling, Sourcing and Managing Across Cultures. – Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2002.
9. Hall E.T. *The Hidden Dimension*. N.Y.: Anchor Books, Doubleday, 1990 (1966).
10. Howdy. Mapping *The City & The City* on “real” Maps [Электронный ресурс]. URL:

- <https://locativeliterature.wordpress.com/sections/section-1/> (дата обращения 19.02.2016).
11. Kaushik. Hotel Arbez Franco-Suisse, Located Half in Switzerland and Half in France [Электронный ресурс] // Amusing Planet. March 24, 2012. URL: <http://www.amusingplanet.com/2012/03/hotel-arbez-franco-suisse-located-half.html> (дата обращения 20.02.2016).
  12. Maly T. Life on the Edge: 7 of The World's Most Fascinating Border Towns [Электронный ресурс] //The Atlantic. Sep 23, 2011. URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2011/09/life-on-the-edge-7-of-the-worlds-most-fascinating-border-towns/245519/#slide2> (дата обращения 19.02.2016).
  13. Kaushik. Hotel Arbez Franco-Suisse, Located Half in Switzerland and Half in France [Электронный ресурс] // Amusing Planet. March 24, 2012. URL: <http://www.amusingplanet.com/2012/03/hotel-arbez-franco-suisse-located-half.html> (дата обращения 20.02.2016).
  14. Kaushik. The Curious Case of Baarle-Nassau and Baarle-Hertog [Электронный ресурс] //Amusing Planet. November 06, 2012. URL: <http://www.amusingplanet.com/2012/11/the-curious-case-of-baarle-nassau-and.html> (дата обращения 20.02.2016).

15. Miéville C. *The City & The City*. L.: Macmillan, 2009.
16. Russon A.E., Bard K.A., Parker S.T. *Reaching Into Thought: The Minds of the Great Apes* [Электронный ресурс]. Cambridge University Press, 1998. URL: https://books.google.ru/books?id=rqcQcQoYAFoC&pg=PA135&lpg=PA135&dq=stare+avoidance&source=bl&ots=bxfy70Jmb4&sig=V6NycIR3JmUA7vMGnYZ9WfzSoWc&hl=ru&sa=X&ved=0ahUK Ewi7_rGak7PLAhUBOJoKHQIND_gQ6AEIOTA E#v=onepage&q=stare%20avoidance&f=false (дата обращения 15.03.2016).
17. *What is Sexual Harassment* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/womenwatch/osagi/pdf/whatish.pdf> (дата обращения 06.03.2016).